

Настал 1812 год, памятный каждому русскому, тяжкий потерями, знаменитый блистательною славою в роды родов!

В начале марта месяца гвардия выступила из Санкт-Петербурга. Через несколько дней получил я повеление быть командующим гвардейскою пехотною дивизией*. Назначение, которому могли завидовать и люди самого знатного происхождения, и несравненно старшие в чине. Долго не решаюсь я верить чудесному обороту положения моего. К чему, однако же, не приучает счастье? Я начинал даже верить, что я того достоин, хотя, впрочем, весьма многим позволяю я с тем не согласоваться. Скорое

* Дивизию составляли полки: 1-я бригада — Преображенский, Семёновский (бригадный командир генерал-майор Розен), 2-я бригада — Измайловский, Литовский (бригадный командир флигель-адъютант Удом), 3-я бригада — Егерский, Финляндский (бригадный командир полковник Бистром). К сей бригаде присоединен гвардейский Морской экипаж.

возвышение мало известного человека непременно порождает зависть, но самолюбие умеет истолковать ее выгодным для себя образом, и то же почти сделал я, не без оскорбления, однако же, справедливости.

Дивизионным начальником прихожу я на манёвры в Вильну. Все находят гвардию превосходною по ее устройству, и часть похвалы, принадлежавшей ей по справедливости, уделяется мне, без малейшего на то права с моей стороны.

После краткого пребывания в Вильне гвардия возвратилась на свои квартиры в город Свенцяны.

Французы в больших силах находились близ наших границ. Слухи о войне не были положительны; к нападению, по-видимому, никаких не принималось мер, равно и с нашей стороны не было особенных распоряжений к возбранению перехода границ. Ближайшие из окружающих государя допускали мысль о возвращении графа Нарбонна, адъютанта Наполеона, присланного с поручениями, который в разговорах своих ловким весьма образом дал некоторые на то надежды. Были особы, совершенно в том уверенные.

В тот самый день, когда государю императору дан был праздник знатнейшими сановника-

ми и составляющими его свиту (*la maison de l'empereur*), в загородном гулянье близ Вильны (в Закрете), среди великолепия и роскошных увеселений, приехал из Ковно чиновник с известием, о котором немедленно доведено до сведения государя. Не могло укрыться смятение между окружающими, и дало повод к заключениям о причине внезапного прибытия, а вскоре затем разгласила молва, что французы перешли Неман недалеко от Ковно, что город занят ими, и казаки на передовой страже отступают, разменявшись выстрелами. Исчез обоюдный страх, долгое время в нерешимости удерживавший, и мы огромным неприятеля ополчением, ступившим на нашу землю, прежде Вильну и вскоре всю Литву, едва сопротивляясь, уступили!

В Вильне должен был генерал-адъютант Балашов с письмом от государя к Наполеону дожидаться его прибытия.

Государь прибыл к гвардии, и ей приказано расположиться при Свенцянах лагерем.

Первой Западной армией, сильнейшей числом войск, назначен главнокомандующим генерал от инфантерии, военный министр Барклай де Толли, главная его квартира в Вильне.

Составляющие ее корпуса находятся под команду: Первый пехотный корпус гене-

рал-лейтенанта графа Витгенштейна. Корпусная его квартира в местечке Кейданах. Второй корпус генерал-лейтенанта Багговута в Вилкомире. Третий корпус генерал-лейтенанта Тучкова-первого (Николая Алексеевича) в городе Троках. Четвертый корпус генерал-адъютанта графа Шувалова в городе Лиде. Пятый корпус великого князя Константина Павловича в городе Видзах. Шестой корпус генерала от инфантерии Дохтурова в местечке Слониме.

Кавалерийские корпуса: 1-й генерал-адъютанта Уварова. 2-й генерал-адъютанта барона Корфа. 3-й генерал-майора графа фон дер Палена (Петра Петровича). Донское войско под начальством атамана генерала от кавалерии Платова в городе Гродно и Белостокской области.

2-й Западной армии главнокомандующий генерал от инфантерии князь Багратион. Главная его квартира в местечке Пружанах.

3-я Западная армия под начальством генерала от кавалерии Торماسова. Главная его квартира в Дубне.

Молдавская армия, предводительствуемая адмиралом Чичаговым, находилась большею частию в Валахии, где оставалась до заключе-

ния мира с Оттоманскою Портою, коего пре-
лиминарные пункты были уже подписаны.

Первые две армии расположены были по ев-
ропейской нашей границе и должны были про-
тивостать вторжению армий, лично предводи-
мых Наполеоном; но столько несоразмерны
были силы, и так на большом пространстве
рассеяны наши войска, что единственное сред-
ство было отступление без потери времени.

Известны были огромные приготовления
Наполеона к войне, с поспешностию делаемые.
Могущественно было влияние его на Рейнский
союз, и после блистательных успехов его в по-
следнюю войну против австрийцев не мог он
ожидать, чтобы император Франциск I дерзнул
поднять на него оружие, и даже сама Пруссия,
долго льстившая соединением с нами, должна
была склониться на его сторону.

Война России совокупно с Пруссией против
Наполеона в 1806–1807 годах, конченная Тиль-
зитским миром, грозила разрушением Прус-
сии. Могущественное посредничество государя
сохранило ее, но при всем том взяты в обеспе-
чение некоторые из главных крепостей и заня-
ты французскими гарнизонами, ограничено
количество войск, которое не должна превос-
ходить прусская армия.

Россия тщетно старалась избежать войны; должна была наконец принять сильные против нее меры.

Мнения насчет образа войны были различны. Не смея взять на себя разбора о степени основательности их, я скажу только то, что мне случалось слышать.

Военный министр предпочитал войну наступательную. Некоторые находили полезным занять Варшавское герцогство и, вступивши в Пруссию, дать королю благовидную причину присоединиться к нам, средство усилить армию и далее действовать сообразно с обстоятельствами. Если бы превосходные силы неприятеля заставили перейти в войну оборонительную, Пруссия представляет местность особенно для того удобную, средства, продовольствие изобильные, и война производилась бы вне границ наших, где приобретенные от Польши области не допускают большой степени к ним доверенности.

Несравненно большие могли предстоять выгоды, если бы годом ранее, заняв герцогство Варшавское, вступили мы в союз с королем прусским. Польская армия, с невероятною деятельностью формированная, не более имела тогда пятидесяти тысяч человек и не дерзнула

бы противостать нам или могла быть уничтожена; французские войска в Германии под начальством маршала Даву не были многочисленны и, в надежде на содействие Пруссии, на большом пространстве рассыпанные, не успели бы к спасению ее.

Гарнизоны по крепостям, из них составленные, были малолюдны и некоторые из крепостей совсем не заняты. Жестокая война с Гишпаниею, гибельная для французских ополчений, требовала беспрерывно значительных подкреплений, и только за год до начала войны с нами (1811) допустила заняться составлением громадных армий — французской и Рейнского союза. Члены сего понуждаемы были к чрезвычайным усилиям, к отяготительным издержкам, которые не могли поощрять к добровольному соучастию.

Австрия, видя в руках наших Варшавское герцогство, Пруссию, подъявшую оружие, вероятно, не осталась бы в виновном бездействии, и тогда, смирив всеобщего врага, можно бы дать мир утомлённой бедствиями Европе, исхитить царей из порабощения и страх, вселённый в них Наполеоном, обратить ему в ужас и отмщение. Преткнулись бы шаги его на той земле, где каждый из них провождал к победам

и торжествам. Предположив, что Австрия, не смея решиться соединить оружие свое с нашим, будет упорствовать в сохранении нейтралитета, и тогда Наполеон в борьбе с армиями, нашею и прусскою, и понуждаемый сверх того разбросать немалое число войск для наблюдения за крепостями и для удержания в повиновении занятых областей, лежащих в тылу армии, мог почитать вступление в наши границы небезопасным и способы его не довольно для того благонадежными.

В настоящее время (1812) казалось всё приготовленным со стороны нашей к войне наступательной: войска приближены к границам, магазины огромные заложены в Белостокской области. Гродненской и Виленской губерниях, почти на крайней черте наших пределов. В то самое время (однако же, не отвергая возможности отворотить войну переговорами и демонстрациею), ожидали даже вторичного приезда присланного Наполеоном графа Нарбонна, но полученные наконец достоверные сведения о чрезвычайных силах, сосредоточиваемых в близком расстоянии от границ, решили отступление наших армий.

Некто бывшей прусской службы генерал Фуль, теперь в нашей генерал-лейтенантом,

снискавший доверенность, которой весьма легко предаёмся мы в отношении к иноземцам, готовы будучи почитать способности их всегда превосходными, между разными соображениями и проектами предложил, как многие утверждают, мысль о приготовлении укреплённого лагеря на реке Двине близ местечка Дриссы. Направление, на котором устроен сей лагерь, при первом взгляде сообщает понятие о воинских соображениях господина Фуля. Ему же приписывают возражение против сближения Первой армии со Второй армией в том предположении, чтобы могла она действовать во фланге неприятеля, когда он устремится на нашу Первую армию.

Не только не смею верить, но готов даже возражать против неосновательного предположения, будто военный министр одобрял устройство укрепленного при Дриссе лагеря, и что еще менее вероятно, будто не казалось ему нелепым действие двух разобщенных армий на большом одна от другой расстоянии, и когда притом действующая во фланг армия не имела полных пятидесяти тысяч человек.

Если бы Наполеон сам направлял наши движения, конечно не мог бы изобрести для себя выгоднейших.

Генерал от кавалерии барон Беннингсен, бывший главнокомандующий в последнюю войну с французами в Пруссии, всемерно старался склонить на сближение армий, так чтобы от нас зависело или стать на прямейшей дороге, идущей на Смоленск, или избрать такое положение, которое бы препятствовало неприятелю отклонить нас от оной; но при всей настойчивости успел только согласить на перемещение Второй армии из окрестностей Луцка, что на Волыни, в местечко Пружаны.

Войска наши, приближенные к границе, охватывая большое пространство, могли казаться Наполеону готовыми возбранить переправу чрез Неман, и конечно трудно было предположить, чтобы такое размещение их сделано было для удобнейшего отступления, которое раздробление сделает необходимо затруднительным, подвергая опасности быть разрезанным по частям.

Наполеон, с главными силами перешедши Неман от Ковно, направлением их обнаружил намерение корпуса ваши не допустить соединиться, в чем, конечно, успел бы частию, если бы мог скорее совершить переправу, не будучи принужденным дожидаться с войсками. Имея между поляков много людей приверженных,

без сомнения извещен был обстоятельно о расположении войск наших*, быть может, и о намерении оставить Литву.

Шестой корпус, для содержания сообщения между обеими армиями расположенный довольно далеко, присоединился не по причине принятых со стороны нашей мер, но единственно по медленности переправы неприятеля. Отряд гусар из окрестностей Гродно догнал Шестой корпус на пути его, потому что им командовал генерал-майор граф Пален, прошедший в продолжение трех дней почти двести верст**.

Войско Донское под начальством самого атамана генерала Платова, расположенное близ Гродно, будучи назначено действовать вместе с Первой армией, при всей свойственной ему быстроте, не могло к ней присоединиться, и движением корпуса маршала Даву отброшенное, должно было обратиться к армии князя Багратиона. В команде атамана Платова нахо-

* В бумагах, взятых у неприятеля, найдено квартирное расписание войск, расположенных в Литве, список наших генералов и верное исчисление войск наших, которые довольствовались хлебом, собираемым взамен податных недоимок. Это могло казаться намерением не оставить в краю средств для неприятеля.

** Надобно знать графа Палена, чтобы не казалось это чрезвычайным. При отличных способностях, пламенный и ледовитый по обстоятельствам, предприимчивый и осмотрительный, когда требуется.